

УДК 94(47).084.6

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ СИБИРИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОЦЕНКА МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Роман Е. Романов^{1, @, *}

¹ *Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, 690030, г. Новосибирск,
ул. Николаева, 8
@lamin@history.nsc.ru*

*Поступила в редакцию 25.01.2017.
Принята к печати 27.03.2017.*

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сибирь, население, людские ресурсы, трудовой потенциал, мобилизационные возможности, мобилизация

** Статья подготовлена
при финансовой поддержке
РГНФ, проект № 16-01-00412.*

Для цитирования: Романов Р. Е. Трудовой потенциал Сибири накануне Великой Отечественной войны: оценка мобилизационных возможностей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 90 – 94. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-90-94.

В годы Великой Отечественной войны Сибирь стала вторым по значимости экономическим районом СССР, обладавшим развернутой индустриальной базой. Интенсивное развитие ведущих отраслей народного хозяйства привело к крупномасштабной мобилизации трудового потенциала региона. Данный потенциал был сформирован преимущественно в 1920-е – 1930-е гг. в условиях демографических кризисов и восстановительных процессов, лавинообразных миграций и урбанистического бума, возрождения промышленности и индустриализации, ликвидации массовой неграмотности и т. д. Его параметры, сложившиеся к началу Второй мировой войны, зафиксировала Всесоюзная перепись населения 1939 года. В переписи содержится массив статистических сведений, в которых нашли отражение количественный и качественный состав трудоспособных граждан (от 15 до 59 лет) предвоенного СССР. От особенностей этого состава в значительной степени зависели мобилизационные возможности людских ресурсов в тыловых районах страны, включая Сибирь.

В отечественной историографии проблемы формирования и применения трудового потенциала сибирского тыла изучались в основном в рамках более широкой проблематики. В советской научной литературе отдельные аспекты этой темы рассматривались в русле истории социально-экономического [1; 2] и демографического [3] развития региона в первой половине 1940-х гг. Исследователи выявили место и роль населения в возрасте от 16

Аннотация: В статье предпринята попытка оценить мобилизационные возможности трудового потенциала Сибири накануне Великой Отечественной войны. С этой целью на основе материалов Всесоюзной переписи 1939 г. выявлены демографические, социально-экономические и социокультурные особенности формирования населения в возрасте от 15 до 59 лет, использованного позднее в военной экономике сибирского тыла. Сделан вывод о том, что с точки зрения интенсивного хозяйственного использования сильными сторонами данного людского массива являлись высокий удельный вес молодежи, интенсивная динамика миграционной и экономической активности, низкий уровень индустриальной занятости, наличие крупных запасов женской рабочей силы в городах и сельских районах. Слабые стороны этого массива заключались в дисперсном характере размещения населения, слабой закрепляемости мигрантов в крупных городах, существенной доле мужчин-резервистов, высокой общей занятости, низком уровне грамотности и образования. В целом эти качественные характеристики в условиях военного времени оказали неоднозначное и противоречивое влияние на мобилизацию людских ресурсов Сибири в отрасли оборонного значения.

до 59 лет в общем людском массиве и миграционных потоках, мобилизационные механизмы вовлечения неработающих горожан и селян в военное хозяйство.

В современной российской науке трудовые ресурсы стали объектом скрупулезного анализа, прежде всего, со стороны экономистов [4; 5]. Историки также не остались в стороне от этого исследовательского тренда, осуществив, в частности, комплексное изучение людского потенциала Западной Сибири в годы Второй мировой войны [6]. Детально показаны складывание в довоенное время и использование его трудового компонента в мобилизационной экономике 1941 – 1945 гг. Проанализирован сложный и противоречивый характер данных процессов, обуславливавшихся многофакторным развитием российского общества в первой половине XX века. Вместе с тем, полученный научный результат дает представление об экономико-демографической ситуации лишь в западных районах Сибири. В связи с этим целью исследования является выявление на основе переписи 1939 г. структурных характеристик населения в возрасте от 15 до 59 лет, позволяющих оценить возможности мобилизации трудового потенциала в сибирском тылу в целом.

Следует отметить, что понятие «трудовой потенциал» интерпретируется как совокупность возможностей и способностей людей к труду, определявшихся демографическими, социально-экономическими и социокультурными факторами. Эти факторы влияли соответственно на численность, половозрастной состав, миграции,

структуру занятости, социальный облик, уровень грамотности и образования населения рабочего возраста. Выделенные характеристики являлись своеобразными «индикаторами» мобилизационной готовности людских масс в годы войны.

В конце 1930-х гг. Сибирь, рассматривавшаяся советским правительством как место размещения предприятий-дублеров, отличалась сравнительно слабой заселенностью. В это время в регионе проживало 14307,9 тыс. человек (8,4 % населения СССР) [7, с. 20 – 26, 31 – 35]. Низкая плотность населения отражалась на концентрации трудовых ресурсов в азиатской части РСФСР. По переписи 1939 г. максимальную численность потенциальных работников на территории от Зауралья до Забайкалья и Якутии можно оценить в 7756,3 тыс. человек или 7,9 % трудоспособных граждан страны [7, с. 20 – 26, 31 – 35]. В Поволжье, на Урале, в Казахстане и Средней Азии их удельный вес составлял от 3,8 % до 7,5 % [8]. В предвоенные годы Сибирь обладала наиболее весомым трудовым потенциалом среди восточных районов СССР, что служило одной из предпосылок создания в крае запасной индустриальной базы. Но его рассредоточенность на большом пространстве увеличивала организационные усилия и финансовые затраты на привлечение людских ресурсов в военную экономику.

Накануне войны роль работоспособного населения в формировании сибирского демографического массива была ниже, чем по стране в целом. В 1939 г. доля жителей Сибири в возрасте от 15 до 59 лет достигала 54,2 %, Советского Союза – 57,4 % [8]. Более высокая прослойка суммарных рабочих рук на общесоюзном уровне объяснялась тем, что в нее включались Казахстан (61,0 %) и Средняя Азия (56,5 %) [8]. Юго-восток СССР традиционно отличался наиболее расширенным воспроизводством трудовых ресурсов. По их удельному весу Сибирский регион превосходил лишь Поволжье (52,6 %) [8]. По данному показателю рассматриваемый экономический район занимал более низкие позиции даже по сравнению с Уралом (54,7 %) [8], что, наряду с отдаленностью, снижало его привлекательность в плане размещения производительных сил.

На региональные различия в численности людской массы, обладавшей трудовыми возможностями, существенным образом влиял не только естественный прирост, но и миграционные потоки. В годы довоенных пятилеток Сибирь активно притягивала новоселов, приезжавших преимущественно из других областей, краев РСФСР и союзных республик. В это время за счет индивидуальных миграций, организационных наборов, сельскохозяйственных переселений за Урал прибыло около 800 тыс. человек [9, с. 24]. Данный контингент пополнил главным образом индустриальные кадры сибирских предприятий и строек. Основными кадровыми «донорами» выступали Центр, Украина и Поволжье, отдававшие часть своих людских ресурсов Азиатской России. Выходцы из этих регионов имели важное значение для формирования квалифицированного трудового потенциала. Впоследствии довоенный опыт привлечения мигрантов оказался весьма востребованным в условиях массовой эвакуации в глубокий тыл в начальный период войны.

Еще большее значение в перераспределении населения в пользу промышленных центров Сибири играли

внутрирегиональные миграции. Только в 1938 – первом полугодии 1941 гг. в западносибирских городах осело свыше полумиллиона новоселов, являвшихся в основном представителями колхозной деревни [10, с. 86]. Массовое перемещение селян в города также нашло отражение в переписи 1939 г. По ее данным доля лиц в возрасте от 15 до 59 лет среди сибирских горожан составляла 62,0 %, среди селян – 44,9 %, в СССР – 65,4 % и 53,4 % [7, с. 20 – 26, 31 – 35]. С учетом весьма низкого уровня урбанизации приведенные цифры свидетельствовали о концентрации трудовых ресурсов в индустриальных «мегаполисах» в ущерб сельским районам. В восточных районах этот процесс носил более интенсивный характер, чем по всей стране. По сравнению с европейской частью СССР в городах Сибири мигранты закреплялись гораздо слабее и чаще выбывали в обратном направлении. Динамичные перемещения были присущи как сибирякам, так и выходцам из других макрорегионов. Высокая мобильность, повышавшая мобилизационные возможности регионального социума, делала его малоуправляемым в связи преобладанием стихийных индивидуальных миграций.

Важное место в формировании трудового потенциала сибирского тыла занимала половая структура предвоенного социума. Накануне Второй мировой войны в составе населения СССР, находившегося в рабочем возрасте, было 47,5 % мужчин и 52,5 % женщин, Сибири – 50,5 % и 49,5 % [8]. В стране имел место значительный женский перевес, в регионе – мужской. За Уралом гендерный дисбаланс с преобладанием женщин, вызванный людскими потерями в годы Первой мировой и Гражданской войн, компенсировался мощным миграционным притоком. В Западной Сибири удельный вес мужчин в возрастной группе от 15 до 59 лет составлял 49,2 %, в Восточной Сибири – 52,2 % [7, с. 20 – 26, 31 – 35]. Данные различия обуславливались тем, что мужская рабочая сила активно поступала на восток РСФСР. Но в ближайшей перспективе численный перевес мужчин становился одним из факторов развертывания вооруженных сил, а не военно-промышленного производства.

Одним из ключевых элементов сложившейся накануне войны экономико-демографической ситуации являлся возрастной состав трудоспособных жителей Сибири. В 1939 г. доля лиц от 15 до 29 лет в их структуре достигала 50,1 %, от 30 до 49 лет – 39,4 %, от 50 до 59 лет – 10,4 % [7, с. 20 – 26, 31 – 35]. Половина населения, обладавшего потенциальной способностью к профессиональной деятельности, состояла из молодежи, учившейся в школах, техникумах и вузах или занятой на предприятиях, в колхозах и совхозах. В целом по СССР этот показатель был несколько ниже (47,1 %), чем на востоке страны. Первостепенная роль молодых людей в формировании трудового потенциала объясняется восстановлением расширенного демографического воспроизводства после Гражданской войны. В середине 1920-х гг. имела место самая высокая рождаемость в Сибири за весь XX век. К началу войны сравнительно многочисленное поколение, появившееся в период краткого расцвета НЭПа, фактически вступило в рабочий возраст. Данный фактор в последствии оказал огромное влияние на мобилизационные возможности сибирского тыла как в плане комплектования действующей армии, так и индустриальных кадров военной экономики.

Своеобразными «индикаторами» хозяйственного использования трудового потенциала предвоенной Сибири являлись уровень и структура занятости населения. На западе региона его численность в возрастной группе от 15 до 59 лет достигала 4433,1 тыс. человек, в том числе экономически активного – 3731,0 тыс. человек [6, с. 57]. Всего в общественном производстве Западной Сибири было занято 84,2 % работоспособных жителей края, что существенно превышало общесоюзные показатели (51,8 %) [7, с. 201]. В сельском и лесном хозяйстве трудилось 57,1 % всех работников, в промышленности, строительстве, транспорте и связи – 22,8 %, в торговле и сфере услуг – 6,8 %, социальной и культурной сферах – 6,3 %, управленческой – 3,0 %, прочих отраслях – 4,0 % [6, с. 56 – 57]. Свыше половины тружеников занимали рабочие места в аграрных отраслях, менее четверти – индустриальных, одна шестая – обслуживании и управлении. В целом по стране в первичном секторе было сосредоточено примерно половина работающего населения, во вторичном – около трети, в третичном – одна шестая. Повышенная занятость в азиатской России носила менее индустриализированный характер, чем во всем СССР. В связи с этим, наряду с неработающими горожанами и селянами, важным «поставщиком» рабочей силы для создававшихся предприятий оборонного значения становились сельскохозяйственные и производственные отрасли.

В рассматриваемый период экономическая активность имела ярко выраженный гендерный характер. Накануне войны уровень занятости трудоспособного населения в СССР составлял 46,4 %, в том числе среди мужчин – 54,9 %, женщин – 38,7 % [7, с. 201]. Сферы преимущественного приложения мужского труда были представлены промышленностью, строительством, транспортом, лесным хозяйством, торговлей и обслуживанием, управлением, женского – колхозным и личным подсобным хозяйством, «социалкой» (образование, здравоохранение и т. д.). В Западной Сибири доля занятых мужчин достигала 52,2 %, женщин – 34,2 %, лиц обоего пола – 42,7 % [6, с. 56]. Отраслевое распределение между половыми группами в регионе примерно соответствовало общесоюзной ситуации. Эти данные показывают, что при проведении крупномасштабных воинских мобилизаций замена мужских кадров женскими могла осуществляться в трех направлениях. В первую очередь, источником комплектования производственных коллективов предприятий выступали домохозяйки, во вторую – колхозницы и работницы ЛПХ, в третью – женщины-служащие и интеллигентки. В военное время эти социогендерные группы стали основными элементами людского потенциала, мобилизованного в промышленность, строительство и на транспорт.

Немаловажной характеристикой трудовых ресурсов являлась социальная структура регионального общества. По переписи 1939 г. в РСФСР доля рабочих достигла 35,1 %, служащих – 18,6 %, колхозников и крестьян-единоличников – 43,1 %, кооперированных и некооперированных кустарей – 3,2 % [7, с. 197]. В сибирских регионах соотношение между этими группами являлось весьма различным. Прослойка колхозников вместе с единоличниками составляла от 24,0 % в Читинской области до 54,7 % в Алтайском крае, кустарей – от 1,5 % в Читинской до 3,8 % в Новосибирской области. Удельный вес рабочих колебался от 28,9 % в Омской области

до 52,5 % в Читинской области, служащих – от 13,6 % в Алтайском крае до 22,0 % в Читинской области [7, с. 197 – 198]. Следовательно, Алтай являлся самым колхозно-крестьянским, а Забайкалье – самым рабочим районом Сибири. Эти различия в социальном облике населения влияли на формирование и использование трудового потенциала в восточных районах СССР. В Западной Сибири ведущее место в нем занимали аграрные, в Восточной Сибири – индустриальные категории населения. Такая принципиальная разница объяснялась высоким уровнем урбанизации восточносибирского региона. В перспективе значение кадрового «донора» военной индустрии здесь должны были приобрести прежде всего служащие, а в западных районах Сибири – колхозники. Данные группы обладали неоднородной социокультурной спецификой, обуславливавшей освоение новыми работниками культуры индустриального труда в сибирском тылу.

Характерные черты трудоспособного населения зависели не только от социально-демографических, но и социокультурных факторов. Одним из них являлась востребованная в условиях индустриализации грамотность. В 1939 г. в РСФСР доля грамотных в возрастной группе от 9 до 49 лет достигала 89,7 %, в том числе среди мужчин – 96,0 %, женщин – 84,0 % [7, с. 82]. В Сибири данные показатели существенно различались в зависимости от урбанизированности ее регионов. Удельный вес лиц, обладавших грамотностью, колебался от 80,5 % в Якутии до 88,2 % в Иркутской области [7, с. 82 – 84]. Ни один сибирский регион не дотягивал до ее республиканского уровня, что было связано с более существенным, чем по РСФСР, разрывом в удельном весе грамотных между гендерными категориями. Если в республике данный разрыв составлял 12 пунктов, то в Алтайском крае – 15,7 (мужчины от 9 до 49 лет – 92,5 %, женщины от 9 до 49 лет – 76,8 %), Красноярском крае – 14,2 (93,2 % и 79,0 %), Новосибирской области – 14,3 (94,4 % и 80,1 %), Читинской области – 14,6 (94,5 % и 79,9 %), Якутской АССР – 14,2 (86,8 % и 72,6 %) [7, с. 82 – 84]. Наличие значительной прослойки неграмотных женщин при массовой замене мужского труда создавало потенциальные трудности для адаптации новых кадров к военнопromышленному производству.

Еще напряженнее складывалась ситуация с образовательным уровнем трудовых ресурсов. Накануне войны доля лиц со средним образованием в структуре населения РСФСР составляла 7,7 %, с высшим образованием – 0,7 %, в том числе в городских поселениях – 15,8 % и 1,6 %, сельских поселениях – 3,6 % и 0,2 %. Среди мужчин она равнялась 8,6 % и 0,9 %, среди женщин – 6,9 % и 0,4 % [7, с. 104]. В сибирских регионах удельный вес выпускников средних школ и вузов был заметно ниже республиканского. Его минимальные значения, зафиксированные переписью 1939 г., имели место в Алтайском крае (3,8 % и 0,15 %), максимальные – в Иркутской области (7,4 % и 0,53 %) [7, с. 105, 107]. Прослойка жителей городов, окончивших среднюю школу, достигала от 9,8 % в Читинской до 14,9 % в Омской области, высшие учебные заведения – от 0,5 % в Алтайском крае до 1,2 % в Якутской АССР; жителей сел – соответственно от 2,5 % в Алтайском крае до 5,0 % в Читинской области и от 0,07 % в Новосибирской области до 0,25 %

в Читинской области. Разница в распространении среднего и высшего образования в среде мужчин и женщин составляла от 1,3 и 0,2 пункта в Омской области (соответственно 5,9 % и 4,6 %, 0,4 % и 0,2 %) до 3,1 и 0,5 пункта в Якутской АССР (7,7 % и 4,5 %, 0,7 % и 0,2 %) [7, с. 105, 107 – 111]. Как и по всей республике, за Уралом горожане, закончившие учебные заведения, численно превосходили аналогичную категорию селян, мужчины – женщин. Вместе с тем в Сибири малочисленность образованного населения носила еще более ярко выраженный характер, чем в РСФСР. Она объяснялось сравнительно слабым развитием сети средних школ и особенно учреждений профессионального образования, усиливавшим дефицит квалифицированных рабочих и дипломированных специалистов. Острый недостаток подготовленных кадров средней и высокой квалификации негативно отражался на качестве трудового потенциала, применявшегося в высокотехнологических отраслях промышленности в первой половине 1940-х гг.

Накануне Великой Отечественной войны Сибирский регион располагал самым многочисленным среди восточных районов СССР рабочим населением, которое могло быть использовано при развертывании и развитии в глубоком тылу новой экономической базы Красной Армии. хозяйственное применение этого ресурса зависело от степени его мобилизации в общественное производство. Мобилизационные возможности трудового потенциала Сибири конца 1930-х гг. обуславливались функционированием демографической, социально-экономической и социокультурной подсистем советского общества, своеобразно преломлявшимся в региональном контексте. В процессе формирования под влиянием перечисленных факторов рассматриваемый исторический феномен обрел свои сильные и слабые стороны, расширявшие или сужавшие масштабы его использования в военной экономике.

Литература

1. Докучаев Г. А. Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1968. 321 с.
2. Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1973. 422 с.
3. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.
4. Ахлакова И. Р. Трудовые ресурсы как фактор экономического роста: дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2012. 145 с.
5. Зеленская И. А. Трудовые ресурсы сельской местности региона: формирование и использование: дис. ... канд. экон. наук. Иркутск, 2014. 206 с.
6. Исупов В. А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939 – 1945). Новосибирск: Сова, 2008. 378 с.
7. Всесоюзная перепись населения. 1939. Основные итоги. Россия. М.: Русско-Балтийский информ. центр БЛИЦ, 1999. 207 с.
8. Всесоюзная перепись населения 1939 г. // Демоскоп Weekly. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?su=2> (дата обращения: 21.06.2016).
9. Метелев С. Е., Виноградов В. Г., Албастова С. Р., Метелев И. С. Особенности формирования трудового потенциала Сибири: монография. Омск: Издатель Васильев В. В., 2008. 128 с.
10. Исупов В. А. Индивидуальные крестьянские переселения в города Западной Сибири (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) // Миграционные процессы в азиатской России в конце XIX – начале XX вв.: сборник научных трудов / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 66 – 92.

Несомненными преимуществами, оказавшегося в фокусе данного исследования людского массива, являлись высокая динамика миграционной и экономической активности, молодость трудоспособного населения, низкий уровень индустриальной занятости, наличие крупных запасов женской рабочей силы в городах и сельских районах. В данном случае можно говорить о сильных сторонах трудового потенциала Сибири, создававших благоприятные условия для реализации в этом регионе мобилизационных мероприятий по решению кадровой проблемы. В военное время эти меры стали рычагом централизованного перераспределения людских ресурсов в пользу оборонных отраслей народного хозяйства.

Одновременно существовали объективные ограничения, в перспективе существенно затруднявшие производственную мобилизацию горожан и селян в сибирском тылу. Эти ограничения состояли в дисперсном характере размещения населения, слабой закрепляемости мигрантов в крупных городах, существенной доле мужчин-резервистов, высокой общей занятости, низком уровне грамотности и образования. Данные аспекты отражали слабые стороны трудового потенциала Сибири, сужавшие социальную базу будущих мобилизационных кампаний и как следствие кадровые резервы военной индустрии.

Таким образом, структурные характеристики рабочего населения региона, сложившиеся к началу войны, отличались неоднозначностью и противоречивостью. С одной стороны, некоторые из характеристик усиливали мобилизационные возможности трудового потенциала сибирского тыла. С другой стороны, другие его параметры, напротив, ослабляли способность людских ресурсов вписываться в рамки жестко регулируемой советским государством социально-профессиональной мобильности. Наличие этих объективных издержек в перспективе снижало эффективность экономической мобилизации как способа преодоления острого кадрового кризиса в сибирском тылу.

LABOUR POTENTIAL OF SIBERIA ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: EVALUATION OF MOBILIZATION OPPORTUNITIES

Roman E. Romanov^{1, @, *}

¹ Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva St., Novosibirsk, Russia, 690030
@ lamin@history.nsc.ru

Received 25.01.2017.

Accepted 27.03.2017.

Keywords: the Great Patriotic War, Siberia, population, human resources, labor potential, mobilization possibilities, mobilization.

* *The article has been prepared with financial support of Russian Foundation for Humanities (RFH), project No. 16-01-00412.*

Abstract: The article attempts to evaluate the mobilization opportunities of the labor potential of Siberia on the eve of the Great Patriotic War. For this purpose, based on the materials of All-Union census of 1939, the research identified the demographic, socio-economic and socio-cultural features of the formation of the population aged 15 – 59 used later in the military economy of Siberian rear. It was concluded that from the point of view of intensive economic use of the strengths of the human array was the high proportion of youth, intense dynamics of migration and economic activity, low level of industrial employment, the existence of large reserves of female labor force in urban and rural areas. Weak sides of this array were the disperse nature of population distribution, low fixability of migrants in large cities, a significant share of male reservists, higher overall employment, low levels of literacy and education. In general, these quality characteristics in wartime conditions had an ambiguous and contradictory effect on the mobilization of human resources in Siberia in the industry of defense significance.

For citation: Romanov R. E. Trudovoi potentsial Sibiri nakanune Velikoi Otechestvennoi voyny: otsenka mobilizatsionnykh vozmozhnostei [Labour Potential of Siberia on the Eve of the Great Patriotic War: Evaluation of Mobilization Opportunities] *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (2): 90 – 94. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-90-94.

References

1. Dokuchaev G. A. *Sibirskii tyl v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [Siberian rear during the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Nauka, 1968, 321.
2. Dokuchaev G. A. *Rabochii klass Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [The working class of Siberia and the Far East during the Second World War]. Moscow: Nauka, 1973, 422.
3. Alekseev V. V., Isupov V. A. *Naselenie Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [The population of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Nauka, 1986, 232.
4. Akhlakova I. R. *Trudovye resursy kak faktor ekonomicheskogo rosta*. Diss. kand. ekon. nauk [Human resources as a factor of economic growth. Cand. econ. Sci. Diss.]. Kazan', 2012, 145.
5. Zelenskaia I. A. *Trudovye resursy sel'skoi mestnosti regiona: formirovanie i ispol'zovanie*. Diss. kand. ekon. nauk. [Manpower rural region: formation and use. Cand. econ. Sci. Diss.]. Irkutsk, 2014, 206.
6. Isupov V. A. *Glavnyi resurs Pobedy: liudskoi potentsial Zapadnoi Sibiri v gody Vtoroi mirovoi voyny (1939 – 1945)* [Chief Victory resource: human potential of Western Siberia during the Second World War (1939 – 1945)]. Novosibirsk: Sova, 2008, 378.
7. *Vsesoiuznaia perepis' naseleniia. 1939. Osnovnye itogi. Rossiia* [All-Union census. 1939. The main outcomes. Russia]. Moscow: Russko-Baltiiskii inform. tsentr BLITs, 1999, 207.
8. *Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1939 g.* [All-Union census. 1939]. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=2> (accessed 21.06.2016).
9. Metelev S. E., Vinogradov V. G., Albastova S. R., Metelev I. S. *Osobennosti formirovaniia trudovogo potentsiala Sibiri* [Features of formation of labor potential of Siberia]. Omsk: Izdatel' Vasil'ev V. V., 2008, 128.
10. Isupov V. A. Individual'nye krest'ianskie pereseleniia v goroda Zapadnoi Sibiri (konets 1920-kh – nachalo 1940-kh gg.) [Individual peasant migration to the cities of Western Siberia (the end of 1920 – the beginning of the 1940s)]. *Migratsionnye protsessy v aziatskoi Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Migration processes in Asiatic Russia in the late XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: Parallel', 2009, 66 – 92.